

СЕРИЯ **ЛИХИЕ-90-Е**

Одна свадьба.
Два поцелуя.
Три задержания.

И ночь,
которая всё
изменит.

1995

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

МАНИЯ ИЗОТОВА

НАСТАСЬЯ КАРПИНСКАЯ

Настасья Карпинская Мания Изотова

<https://litres.ru/74035698>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — жена криминального авторитета, холодная и опасная.
Он — капитан полиции, который привык брать свое.

Их игра начинается как опасный флирт: освобождение за жаркий поцелуй. Сделка: шесть жизней её людей в обмен на одну ночь с ним. И близость, от которой ломает системы привычных жизненных координат.

Она тонет в нем, но знает: муж убьет её, если узнает.

Он пробует строить нормальную семью с другой, но каждую ночь видит её глаза.

Кто сказал, что любовь зла? Она безжалостна. И чем это все закончится известно лишь дьяволу.

Роман о запретной страсти, мужской чести и цене, которую платят за одно мгновение счастья.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	17
Глава 5	21
Глава 6	25
Глава 7	31
Глава 8	36
Глава 9	40
Глава 10	46
Глава 11	53
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Настасья Карпинская

Мания Изотова

Глава 1

— Хватит себя вести как вокзальная шалава! — голос мужа отразился от стен и неприятно ударил по перепонкам, я нехотя открыла глаза, замечая, как губы стоявшего надо мной Петра исказились в презрительной гримасе. Интересно, что на этот раз? Хотя нет. Неинтересно. Давно уже ничего не интересно. Ни его истерики, ни его проблемы, ни его угрозы, все одно и то же, все по кругу. Ни черта не меняется. Поэтому не пошевелившись, лишь, смирила его равнодушным взглядом. Чувствуя, как от его присутствия в мышцах снова возникло напряжение, отчего они противно заныли. Не мужик, а ходячее порождение стресса.

— Хватит провоцировать моих людей! Ты вообще слышишь, что я говорю? Или оглохла? Але блядь, — взревел, и видя, что я никак не реагирую на его слова, схватил со стула полотенце и швырнул его в меня. Вот все настроение мне испортил мудака.

Мы находились в цокольном этаже у бассейна, и наши голоса не были слышны находящимся в доме людям. На то и был его расчет, иначе не посмел бы так орать. Тяжело вздох-

нула, откинула полотенце на пол и потянулась за бокалом вина, что стоял на столике рядом с шезлонгом. Сделала глоток. Лед почти весь растаял, и вино стало противным и кислым. Недовольно скривив губы, отставила бокал в сторону.

— Я нахожусь в своем доме и буду тут делать все, что я посчитаю нужным — это раз. — Произнесла абсолютно спокойно и поднялась с шезлонга, вставая рядом с мужем. Искренне сожалея, лишь об одном, что мой релакс и сегодня был нарушен. — Я весь месяц, пока ты колесил по Европе, управляла твоим сбродом, решала твои проблемы, рулила твоим бизнесом, и я имею право отдохнуть — это два. А еще я урегулировала вопрос с армянами, которые палили из пушек на нашей территории и изрешетили полсотни людей, и поверь мне это не было просто, с бабами они даже разговаривать не хотят, не то что вопросы решать. У меня стресс и если чтоб его снять, мне надо позагорать топлес в собственном дворе, я это сделаю и похрен мне на твоих псов. Если их что-то смущает, пусть закроют глазки, — произнесла, даже не пытаясь сдерживать сочившийся из меня яд. — А нет, то я им просто яйца отстрелю. Делов-то. Одним псом меньше, одним больше, какая разница.

Лицо Петра на последних моих словах практически перекосило от ярости. Я кожей почувствовала, как его эмоционально взорвало.

Я собралась развернуться и уйти, но меня резко и жестко схватили за горло, грубо впечатывая в стену. От соприкос-

новения кожи с холодным кафелем россыпь мелких, противных мурашек тут же неприятно прокатилась по телу. Лопатки и затылок болезненно заныли. Глаза в глаза. Сражение, в котором уже давно никто не хотел уступать.

— Берега не путай, дорогая, — прошипел Петр, скрипя зубами от едва сдерживаемой злости. Нет, я не дура я знала, на что он был способен, сомнений в его жестокости у меня не было, не раз ее последствия видела, просто мне уже было плевать.

— А то что? Убьешь? — в голосе вызов и неприкрытая насмешка. Раньше он меня пугал, до дрожи в коленях, а теперь Я уже давно перестала его бояться. Порой мне кажется, что я и дьявола уже не испугаюсь, явись он по мою душу.

В моем взгляде бушевало едва сдерживаемое сумасшествие, в его — балансирующая на обрыве ярость.

— Красивая ты, Верка. Это тебя и спасает суку, — процедил он, чуть склонившись, и пальцы на моем горле сжались сильнее, давая мне почувствовать дефицит воздуха в легких, его силу и его контроль. Перед глазами пошли темные круги, но я не двинулась, даже руку не вскинула, просто с горячей ненавистью смотрела в его глаза. — Еще раз такой выверт устроишь, высеку тварь, — и он, резко оторвав меня от стены, словно вещь с силой швырнул в бассейн.

Пол на секунду ушел из-под ног, а следом короткий полет и удар о воду, разорвавший тишину громким всплеском. Вода тут же забралась в нос, рот, уши. Поборов резкий,

обусловленный природными инстинктами всплеск паники, я вынырнула и матерясь, жадно глотала воздух, протирая глаза. Петра уже не было. Лишь звук тяжелых удаляющихся шагов был слышен за дверью. Подплыла и судорожно вцепилась в лестницу, до побелевших костяшек на пальцах. Сука, как же я его ненавижу. Ненавижу настолько, что в такие моменты хочется выть в голос от собственного бессилия.

Глава 2

Моросящий дождь лениво стучал по окнам. Осенняя серость отравляла и так паршивое настроение. Я вышел из участка, остановился на небольшом крыльце и, вытащив из изрядно помятой пачки сигарету, закурил, бросая взгляд на хмурое небо. Никотин с первой же затяжки неприятно обжёг горло. Перекинув сигарету в уголок рта, достал из кармана куртки кошелек, пересчитал оставшиеся деньги и, убрав все, обратно, затянулся сигаретой сильнее. Дела мои были говно. Финансы пели романсы, а дома в холодильнике уже, кроме мамкиной солонины, ничего не осталось.

Дверь позади противно скрипнула.

— Что Лех, на мели? — Валерка остановился рядом, тоже закуривая и поднимая воротник старой кожанки.

— До получки как-нибудь протяну, — ответил, а в голове тут же прикинул, на что уйдут остатки зарплаты после задачи долгов. По моим оценкам хватит на блок дешевых сигарет и пару булок хлеба. Негусто.

— Так кукиш нам, а не получка опять. Слышал вчера, как Васильевич, с кем-то грызся в кабинете, что денег нет и снова на подсосе всем отделом сидеть.

— Суки, — выругался, едва сдерживая рвущуюся наружу злость. — Антонов вчера всего два талона на бензин выдал на весь месяц, а мне на выезды, что пешком ходить?

— А я тебе давно говорю, твоя честность тебя в гроб загонит, — Валерка «не отходя от кассы» снова затянул свою старую шарманку. Я знал, что многие из отдела давно уже не брезговали «обслуживать» местных комерсов, даже вписывались разруливать проблемы, возникающие у тех с другими отделами, за что и получали приятные бонусы, называя это взаимопомощью. Не мне судить, каждый выживает как может. Но на душе от всего этого было гадко.

— Не начинай, — повел головой, сплюнув в сторону.

— Да мне тебя жалко дурака, опять давиться будешь солеными огурцами и пустой картошкой до зарплаты, которая неизвестно когда будет, а мог бы заработать и жить по-человечески, матери с бате́й помочь.

— За чей счет? — презрение в голосе я даже и не подумал скрыть. От одной мысли, что придется прислуживать каким-то подонкам, становилось тошно до удушья.

— А тебе не все равно, когда в кармане дырка от бублика? — Валерка устало усмехнулся. — Поехали со мной к Туманову? На его рынке вчера перестрелка была, надо разузнать, что почем.

— Так вызови его повесткой.

— Изотов, ты совсем дурной? Вот смотрю на тебя иногда и думаю, тебя мамка в детстве головой вниз не роняла?

— Что не так? Есть регламент.

— Да подтереться ты этим регламентом можешь уже, как и все мы. — Он тяжело вздохнул. — Ты едешь со мной или

нет? Или снова по всему отделу будешь скрести в долг до полочки?

Внутри все бунтовало, скрипело и выло от нежелания прогибаться. Только долгов уже как у собаки блох, бензина в баке машины три капли, на кухне пустой холодильник и дражные ботинки на ногах. От внутреннего скрежета сжал в кулак ключи, что лежали в кармане, сжал до боли, чувствуя, что еще мгновение и я пропорю тупыми зубцами кожу. Как бы ни отрецивался, видимо, выбора это гребаная жизнь не давала, либо так, либо с голода пухнуть. Не скажу, что я принципиальный в доску, нет, конечно, давно уже понял, что есть принципы, за которые умирать не стоит. И тут, наверное, Валерка был прав, когда в кармане кот наплакал, а желудок к позвоночнику прилипает особо-то выбирать не приходится.

Сжал зубы, недовольно повел головой, отбросил до фильтра сигарету в урну и повернулся к Синицину.

— Поехали.

— Ну, наконец-то.

— Только я на своей. А то завтра на автобусе на работу пилить не хочется. Говори, куда ехать.

— Ресторан «Золотой лев» в старом Доме культуры. Знаешь?

— Знаю, — бросил глухо, направляясь к своей бежевой шестерке и морщась от холодных капель усиливающегося дождя. Еще бы я не знал, я там в свои школьные годы на аккордеоне пять лет отпиликал, а теперь там вся шушера го-

родская отплясывает и красную икру импортным пойлом заливает. Вот значит, как жизнь повернулась. Жопой своей сучьей. Если бы кто мне об этом еще шесть лет назад сказал, я бы рассмеялся и у виска покрутил, а сейчас я это все собственными глазами каждый почти вечер наблюдаю.

Машина завелась только с третьего раза, громко взвывая на повышенных оборотах, давно надо было уже карбюратор перебрать, да только времени и средств постоянно не хватало. Вывернув руль и чуть задвинув «подсос»*, поехал за зеленой девяткой Синицина, ощущая, как напряжение лупит по остаткам уже сдыхающей совести.

** В обиходе «подсос» правильно называется ручным управлением воздушной заслонкой карбюратора, а сама деталь на панели приборов — тягой или тросом привода воздушной заслонки.*

Глава 3

Черная вывеска с красно-оранжевой надписью висела над входом, цепляя взгляд, из открытых дверей до слуха доносилась громкая музыка и вызывающий смех баб, парковка была забита в основном черными иномарками с тонированными стеклами. Остановил машину рядом с каким-то темно-синим Вольво и вышел, направляясь к Валерке.

— Ты только не быкуй и суету не наводи. Сиди, слушай, вникай. Я сам все, — бросил Сеницин, пока мы шли к дверям ресторана.

— Да понял я.

Быки у входа, узнав Сеницина, безропотно пропустили нас внутрь. И на каких дрожжах этих акселератов держат? Сколько жрать надо, чтоб такие хари наесть? Явно до полочки на картошке и соленой капусте не сидят.

Стоило переступить через порог, как в нос тут же ударил запах сигаретного дыма, жареного мяса и дорогих духов. В животе заурчало. Сука. Надо было все-таки в обед в служебную столовку заглянуть, хоть баланды какой похлебать. В зале был полумрак. На сцене извивались три полуголые девицы, исполняя какую-то модную херню, от которой хотелось вымыть уши хозяйственным мылом. Окинул взглядом собравшуюся публику, тут же отмечая: из обычных смертных тут только официанты. И у каждого третьего было оружие.

Напряжение холодной змеей скользнуло по телу, в момент, выкручивая все рецепторы на максимум.

Валерка повел головой в сторону, и я пошел вслед за ним.

Тяжелые красные бархатные шторы отделяли один зал от другого, везде была позолота, зеркала и темное дерево, от всего так и фонило дороговизной, казалось даже сам воздух тут был пропитан деньгами.

— Нам сюда, — кивнул Валерка и направился к вип-зоне. Но стоило нам приблизиться, как два амбала преградили путь.

— Куда прешь! — вскинулся один.

— Синицин к Туманову.

— Нет хозяина еще. Жди, — выплюнул шкаф, словно отвечал не капитану милиции, а дворовому псу, и у меня тут же полыхнуло в мозгу. Пару лет назад он бы у меня минимум на пятнадцать суток уже присел. Кулаки непроизвольно сжались.

— Кто там, Сем? — вдруг из-за штор раздался мелодичный женский голос, и амбал дернул головой, чуть оборачиваясь.

— Менты к Петру Сергеевичу.

— Пусти, — одно слово и эти шкафы расступились, и мы прошли вперед.

Диваны, обтянутые красной кожей, большой накрытый стол, который ломился от закусок, и мой желудок от вида заполненных тарелок снова болезненно дернулся. На дива-

не, забросив ногу на ногу, сидела молодая женщина. Красивая женщина. Настолько, что я даже на мгновение подвис. Давно таких не видел. А если и видел, то только по ящику. Она словно со страниц журнала сошла, такая же нереальная. Длинные каштановые волосы, красное короткое платье, с довольно откровенным вырезом, сапоги — черные лаковые чулки, закрывающие колени. Вся золотом обсыпанная: на пальцах золотые кольца, на запястье браслет, на шее цепочка толщиной с половину моего пальца и цапки в ушах явно не с простыми стекляшками. Дорогая дамочка.

— Здравствуйте, Вера Леонидовна! Рад вас видеть! — заискивающе произнес Валерка, улыбаясь. Я же, молча на нее пялился, чувствуя себя не в своей тарелке.

— Здравствуй, Валер. Присаживайтесь, — она повела головой в сторону второго дивана и потянулась за бокалом. Спокойствие во всех ее движениях и реакциях — тотальное и нескрываемая скука в голосе. — Петр задерживается. Проблемы возникли.

— Надеюсь решаемые? Если что мы можем помочь, — снова улыбнулся Синицин.

— Я не сомневаюсь, — отозвалась она и сделала глоток вина. — Угощайтесь, мальчики.

Мальчики, блядь Подстилка бандитская.

— Это мой друг и сослуживец, помогает мне, — Валерка повел подбородком в мою сторону.

— А имя у друга есть? — по ее губам скользнула насмеш-

ливая улыбка, и взгляд нереально красивых глаз снова задержался на мне, вызывая непривычное покалывание в солнечном сплетении.

— Алексей. Изотов, — ответил сам, не дожидаясь пока Валерка меня нормально представит.

— Рада знакомству. Алексей. Изотов, — ее улыбка стала шире, а у меня мурашки вдоль позвонков табуном пробежались от ее внимания и журчания голоса. Не баба, а сирена морская в человечесем обличье. За всю жизнь таких не встречал, даже не знал, что такие бывают

И я бы окончательно утонул в ее глазах, но мое внимание переключил какой-то нетипичный шум. Я уже хотел махнуть Синицину, но в следующее мгновение раздался залп автоматной очереди и громкий женский визг наполнил ресторан, музыка заглохла.

— Где Туман? Мне нужен Туман, сука! — заорал во все горло какой-то мужик с акцентом. Мы с Валеркой переглянулись. Рука дернулась к кобуре, но та была оставлена в отделе и с губ сорвался сдавленный мат.

— Это Ваха. Отмороженный напрочь, сейчас весь ресторан положит, — тихо, все так же, не двигаясь с места, произнесла Туманова, абсолютно спокойно делая очередной глоток вина из бокала, будто ее вообще ничего не смущало.

— Где Туман? Я трижды один вопрос не задаю!

- Ну, чего примерзли, где тут черный выход? — обратился к одному из амбалов, которые уже достали стволы, и тот

кивнул в сторону кухни.

— Тогда прикрывай, — и, взяв Туманову за руку, потянул за собой. — Валер.

— Я понял. Уводи, — сразу отозвался Синицин и принял из рук амбала пушку. Надеюсь, Синица додумается после отпечатки стереть. Мало ли сколько из этой волны людей положили, всплывет потом неожиданно-негаданно.

— Бежать можешь? — спросил, посмотрев на ее каблуки.

— Могу.

Я, чуть выглянув из-за бархатных штор и оценив обстановку, дал отмашку и резко стартанул с места, потянув Туманову за собой, и град пуль тут же накрыл зал.

Глава 4

Возня в ресторане началась дикая, часть персонала лежала мордой в пол, боясь пошевелиться, кто-то пытался сбежать, кто-то, наоборот, искал свободную дверь, чтобы ворваться внутрь. Не отпуская руку Тумановой, пользуясь неразберихой, быстро скользнул в узкий коридор, но чьи-то быки ринулись с черного входа нам навстречу, то ли это кого-то из гостей, то ли люди Вахтанга. Угадать наверняка было невозможно. Времени на рефлексию — ноль. Поэтому дернул Туманову в сторону служебного помещения, и мы с ней оказались в кладовке метр на метр, заставленной так, что стоило пошевелиться и вся гора ведер, тряпок и хрен пойми еще чего, упадет нам на головы. Туманова, покачнувшись на чертовых каблуках, неожиданно обхватила своими тонкими руками мои плечи, и я инстинктивно привлек ее к себе, прижимая. Замерли, слыша, как мимо двери проносятся люди. Всё-таки стоит отдать должное этой женщине: ни глупых вопросов, ни истерики, ни паники, ни какого-либо проявления лишних эмоций. Она просто молчала и делала лишь то, что я говорил. Даже у меня, привычного к неординарным ситуациям, мотор словно бешеный колотился в грудную клетку под воздействием адреналина, а она словно каменное изваяние, холодна, собрана и спокойна.

Когда шаги стихли, я приоткрыл дверь и, убедившись в безопасности, все так же сжимая руку Тумановой, направился к выходу. Нам оставалось пара шагов, когда один из бугаев шагнул из кухни нам навстречу. Он, присвистнув, обрадовавшись добычи и, вытащив пушку, шагнул мне навстречу. Быстрая оценка обстановки, одним движением — Туманову за спину, подсечка неожиданному бугаю и схватив со стеллажа пустую винную бутылку, разбил ее об его голову, вырубая. Шкаф лег. Проверил пульс — жив. Забрав пушку, снова схватил за руку Веру Леонидовну, замершую у стены, и приоткрыл дверь черного входа. Быстро оглядевшись, потащил ее за собой. Проблема была в том, что машина была припаркована напротив главного входа, а там сто процентов тусовались люди Вахтанга.

— Блядь, — выругался, выглядывая из-за угла, замечая человек десять – двенадцать, и понимая, что стоит нам шагнуть к машине, красное платье Тумановой словно пионерский флаг моментально привлечет к себе внимание. — Куртку мою надевайте, и волосы постарайтесь спрятать, надо мимо этой своры прошмыгнуть до машины, — я сбросил с себя кожанку и протянул ей.

И она снова меня удивила, она не то чтобы не возмутилась, но даже не поморщилась, натягивая на себя, мою выдавшую лучшие времена куртку. Кожанка почти полностью скрыла ее короткое платье. Выждав момент, когда оставшиеся бойцы Вахи отвернули свои ебальники от парковки, мы

побежали со всех ног к шестерке. В голове пульсировала в этот момент лишь одна мысль: только бы завелась шаха, иначе мы тут ляжем.

Туманова запрыгнула в машину и тут же максимально съехала вниз с кресла, чтобы сразу не заметили. На опыте дама, сразу видно, а я, вытянув подсос, сорвал машину с места и втопил что есть мочи к участку. Хрен его знает почему туда. По привычке.

— Вас куда отвезти? Есть место, где будет безопасно?

— Улица Старых Кузнецов, 129, — ответила, садясь на кресле нормально, стреляя глазами по сторонам, оценивая ситуацию. Названный ею адрес, находился в частном секторе, раньше там были в основном старенькие покосившиеся домики, сейчас на их месте элитный поселок. Ясно, понятно. Далековато. Главное, чтоб бензина в баке хватило. Радовало, что за нами никто не гнался, ни преследования, ни стрельбы не было, а это уже хорошо, с остальным разберемся.

Туманова же, беззастенчиво, покопавшись в моих карманах, достала сигареты и, вытащив одну из пачки, открыла окно и закурила.

— Они дешевые и гадкие, вам не понравится, — зачем-то сказал, снова бросая взгляд по зеркалам.

— А тут принцесс нет, товарищ капитан, — она неожиданно улыбнулась, переведя взгляд на меня и делая очередную затяжку. А у меня от ее голоса снова мурахи под кожей по всему телу. Нереальная баба какая-то. Если бы в руках не

держал пару минут назад, не поверил бы, что она вообще из плоти и крови.

— Я смотрю, вы ничего не боитесь.

— Устала бояться. А вообще, нам еще в училище советовали научиться убирать страх. Нужный навык, как оказалось.

— На кого учились? — спросил, не надеясь что ответит.

— Фельдшер.

— На практике в морге вас в числе упавших в обморок, как понимаю, не было.

— Я была в числе подававших нашатырь тем, кто отъехал.

И вот я даже не удивился ее ответу.

Она снова улыбнулась. Но стоило мне повернуть на названную улицу, как ее взгляд светло-ореховых глаз потемнел, а улыбка померкла. Напряжение в салоне вдруг стало почти осязаемым. Я остановил машину возле указанного ею дома, охрана тут же вывалилась за ворота и вскинула стволы.

— Идиоты, — Туманова выругалась и потянула за дверную ручку, так и не сняв мою куртку.

Не забываем писать комментарии и подписываться на автора - это позволит вам следить не только за обновлениями романа, но и за моими новинками.

Глава 5

— Стволы опустили, — неожиданно резко, четко, практически по-мужски скомандовала Туманова, с грацией пантеры вылезая из моей шестерки. — Вы совсем одичали? Стадо оленей, блядь, а не охрана. Чего вылупились? Волыны спрятали, сказала.

Вооруженные шкафы тут же потупились и опустили оружие. И нет, это не было повиновение, скрипя зубами, во взглядах читалось уважение.

— Простите, Вера Леонидовна. Мы вас не сразу узнали. Машина чужая, вот и вскинулись, — поспешил оправдаться один из них.

— Это мент. Наш. Запомни лицо. Эта информация в будущем тебе пригодится.

— Что за шум? — раздался низкий голос из-за черных кованых ворот, и спустя пару секунд к нам вышел сам Туманов. Лично я с ним знаком не был, но пару раз видел в отделе. Высокий, внушительный мужик, с неприятным ледяным взглядом и белесым шрамом на правой щеке. — Вера? Ты же должна меня ждать в ресторане. — Произнес он, окидывая взглядом ее с головы до ног.

— Ждала. Пока туда не завалился Ваха и не положил добрую половину людей, еле ноги унесла, — и она под его пропитанным раздражением взглядом расстегнула куртку и,

снять, протянула мне. Забрал. — Кстати, вот, капитан Изотов помог сбежать, если бы не он, ты уже был бы вдовцом.

— Пиздец Вахе, допрыгался псина паршивая, — Туманов, нервно дернул головой, как делают по привычке бойцы, и я для себя отметил, что за его плечами явно был боксерский опыт или какие-то единоборства. Он кивнул рядом стоявшему мужику и тот быстро начал собирать людей и отдавать команды. В считанные секунды все пришло в движение, ворота открылись, открывая вид на огромный трехэтажный дом из красного кирпича и внушительный автопарк во дворе, машины подгонялись одна за одной и активно забивались оружием.

— Капитан значит, — протянул Туманов, и его глаза потемнели и сузились, когда он переключился на меня. — С кем работаешь?

Наши взгляды схлестнулись, он стоял, широко расставив ноги, стойка человека, привыкшего отражать удары, у меня военная выправка и перманентная готовность ко всему.

— Из ваших не с кем. Я Синице помогаю, с ним на встречу пришел, — после этих слов черты лица Туманова незначительно, но расслабились. Знакомство с Синицыным дало мне возможность сойти за своего, ну или мне просто дали шанс за него сойти. Тут бабка надвое сказала.

— Держи, — и Туманов, вытащив из кармана пачку бабла, не считая, протянул мне, — это мое спасибо за жену. Надеюсь на плодотворное сотрудничество, капитан. Мы бы

сейчас с тобой все порешали, но времени особо нет, поэтому извиняй.

Доли секунды на решение: брать или не брать. Не возьму – может оскорбиться или вообще посчитать, что хочу примазаться, соорбив из себя святого и преданного за «спасибо». Ментальным пинком запнув собственную совесть в самый дальний угол, я взял пачку из его рук и убрал во внутренний карман куртки.

— Благодарю, — выдавил из себя, а у самого уже зубы сводило, краем глаза я все это время наблюдал за происходящим во дворе и за его пределами и примерно уже подсчитал, какое количество человек задействовано и сколько оружия они загрузили, срисовал пару морд, которые числились у нас в розыске. Срисовать – то срисовал, а вот сделать ни черта не мог, и от этого неприятно зудело в затылке.

Туманов кивнул на мои слова и, больше ничего не сказав, направился к черному бронированному джипу, в другие тачки тоже уже прыгали его люди, вооруженные до зубов. Чую сегодня не только нашему брату работы привалит, но и местный морг заполнится до отказа. Я уже сел в машину, когда, подняв голову, через лобовое стекло увидел стоящую меж раскрытых ворот Веру в окружении охраны, она смотрела на меня, взгляды встретились.

В её глазах был холодный, изучающий интерес. Как у пантеры, которая увидела тебя, но еще не решила, что с тобой делать: поиграть, разорвать или отпустить. И снова в теле

возникло это странное чувство, стягивающее позвоночник и убыстряющее ритм сердца. Красивая баба. Опасно красивая.

Машина снова решила покапризничать и завелась лишь с третьего раза, красная лампочка на панели уже не подмигивала — она настойчиво горела, сигнализируя, что до дома мы можем не добраться. Ворота закрылись, а я выкрутил руль и поехал прочь.

Остановился на первой же заправке, вытащил из кармана увесистую пачку, что сунул мне Туманов, и, пересчитав купюры, присвистнул, да тут почти моя годовая зарплата. Жену он явно ценил, судя по сумме. Взяв из пачки одну купюру, пошел заправлять полный бак.

Вот ты и продался, Изотов. Весь с потрохами. За пачку деревянных. Невелика цена, как оказалось.

Глава 6

Когда я подъехал к отделу, у служебных бобиков уже стояла девятка Синицина.

— Нормально все? — он тут же вышел мне навстречу.

— Да. Доставил Туманову домой заодно и с ее мужем познакомился, — Валерка взбледнул.

— Будут проблемы?

— У нас никаких, только работы прибавится, домой можешь не собираться. Туман с Вахтангом поехал решать.

— Сука, — Синицин недовольно дернул головой, достал сигареты и выбил одну щелчком пальца. Ему не нужно было объяснять, чем подобные разборки чреватые.

Я же вынул из кармана деньги, что мне отстегнул Туманов и, отсчитав половину, протянул Валерке.

— Возьму только то, что ты мне должен был, остальное себе оставь, — Тот, выпустив в сторону дым, вытащил из протянутой пачки две купюры и отмахнулся от остального.

— Дурака не валяй.

— Долги раздашь, да пожрать купишь. А у меня есть. Тем более, это ты с Верой Леонидовной нянчился.

— Нянчился, — я хмыкнул, это было абсолютно не то слово, которое бы характеризовало Туманову. — С такими бабами не нянчатся.

— Угу, за таких головы сносят, — мрачно отозвался Си-

ницин. — Ты смотри, глаз не положи, а то долго не проживешь. Не нашего поля ягода, — его слова отчего-то неприятно полоснули изнутри, хотя даже в мыслях не было. — Сплетни ходят, что если Туман в ящик сыграет, то она на его место встанет. Так что тут необычная телка.

— Да, я уже понял. Пошли, а то чует моя жопа, скоро дернут на вызов. Кто в дежурке сегодня?

— Сомов, вроде, — отозвался Валерка и, отшвырнув в сторону остатки сигареты и вместе со мной, направился к входу.

Машины разъезжаются, Петр уезжает с ними. Провожая их взглядом, не зная, о чем молить небеса: чтоб Туманов остался жить, или чтобы мечты Никояна сбылись. Ёжась от прохладного воздуха, отдав указания оставшимся парням, я разворачиваюсь и иду в дом, прекрасно понимая, что никаких молитв не будет. Не в этой жизни. Я очередной раз полностью положусь на судьбу, потому что судьба-сука, и есть тот единственный бог, которому плевать на все наши расклады и мольбы.

Есть ли вариант того, что Петр не вернется живым? Разумеется. Он давно ходит по краю, опасно балансируя. И каждый день, выходя из дома, рискует не вернуться обратно. Расстроит ли меня смерть мужа? Отчасти. Но я не буду рыдать у гроба, не буду рвать на себе волосы и биться в истерике. Все гораздо проще, его смерть — это мой приговор. Пото-

му как весь объем его дел и вся свора его врагов напрямую передут ко мне. А я жить еще хочу и под толщу земли в свои двадцать восемь не собираюсь. Поэтому я расстроюсь, если его убьют. У всего есть причина и следствие, а глупые молитвы пусть останутся тем, у кого есть иллюзии. У меня их нет. Поднявшись к себе в комнату и стянув с тела надоевшее платье, направилась в душ. Холодный. Отрезвляющий. Возвращающий душевное равновесие.

Ночь оказалась непростой. Поспала я мало. Было около двух часов, когда меня разбудил шум заезжающих во двор машин, хлопки дверей, мужские голоса. Поднялась с постели и выглянула в окно, окончательно убеждаясь, что время для сна, для меня закончилось. Задернула занавеску, сбросила с себя шелковую сорочку и прошла к шкафу, чтобы достать и натянуть на себя шорты и футболку.

Последующие два с половиной часа я латала раненых парней на собственной кухне. Тяжелых не было, поэтому Ованеса Германовича – прикормленного хирурга никто не привез, и я все делала сама. Петр сидел тут же, обсуждая с Олегом итоги встречи с Никояном и на нем, не было ни царапины.

Закончив с последним, я налила себе полную чашку чая и, не произнеся ни слова, вышла из кухни. Если бы кто-то меня сейчас спросил: чего я хочу? Я бы не раздумывая ответила, чтобы все это закончилось, все эти перестрелки, раненые, убитые, бессонные ночи и смерть, которая, казалось навсегда поселилась на нашем пороге.

Обхватив чашку руками, я замерла у окна в своей комнате, наблюдая, как восходит из-за горизонта солнце, красным заревом украшая небо, и всеми силами игнорировала тупую, ноющую боль в висках.

Петр почти бесшумно вошел в спальню, остановился за моей спиной и, обняв, мягко притянул меня к себе.

— Устала?

Я кивнула и сделала очередной глоток чая.

— Что ты об этом всем думаешь? — спросил и зарылся носом в мои волосы.

— Думаю, что ты поспешил. Зря вы Вахтанга завалили. Он хоть и отбитый, но с ним еще можно было договориться. Хрупкий мир — но все же.

— Там без вариантов было.

— С его братом ты уже не договоришься, тот, по сути, намного кровожадней и на дури плотно сидит, психика конкретно просажена, он часто на измене, и в этих приступах творит конкретную дичь, от которой волосы дыбом встают.

— С Равилем будет непросто. Но Васнецов обещал с ним замять вопрос.

Васнецов был на таком же положении как Туманов и они дружили, но я понимала, что дружба эта, была до тех пор, пока их интересы не пересекались.

— Твой Васнецов только фантик от конфеты может замять. Равиль с Вахтангом гнали вместе дурь, на них весь трафик держится, и Ваха в их дуэте был самым адекватным, еще

прислушивался к старшим, и к тем с кем делил бабки. А Рава никого слушать не будет, поток теперь пойдет неконтролируемый, и дурь польется рекой в город, и эта река будет заполнена кровью тех, кто выступит против. Ты это и без меня знаешь.

— Выхода не было. Ваха совсем берега попутал.

— Что делать будешь?

— С армянами утром встречаемся, их тоже не устраивает позиция Равы. Будем думать.

— Уберете Равиля, начнется война за трафик. Лучше к старшим идти. Совета спросить.

— Ты меня на поклон отправляешь?

— Это, на мой взгляд, единственный вариант обойтись малой кровью. Старшие, почувствовав угрозу, сами уберут Раву и назначат отвечающего за трафик, с их словом не станут спорить, не пойдут против, а если пойдут, то будут задавлены. Тебе проблем меньше. Подумай над этим.

Он крепче обнял и прижал меня к своей груди.

— Боялся, что не вернусь сегодня к тебе, — произнес тихо, и его губы скользнули по моей шее, захватывая кожу, оставляя дорожку жадных поцелуев. — Сладкая. Люблю тебя безумно, блядь. Ни одну бабу так не любил, ни одна мне так голову не кружила. Сука ты, Верка. Холодная, как кусок вечной мерзлоты, а меня все равно к тебе тянет, как помешанного. Порой, кажется, убил бы, а остываю и как кот бездомный к тебе иду. — Я поставила чашку с недопитым ча-

ем на тумбу, и Петр развернул меня к себе. — Что мне сука сделать, чтобы ты хоть раз на меня с нежностью посмотрела? — обхватил ладонями лицо. — Что? Ты скажи, я сделаю. Наизнанку вывернусь и сделаю. Скажи, Вер. — Он коснулся лбом моего лба и закрыл глаза, а я молчала.

— Вер, — чуть отстранился, заглядывая в глаза. — Скажи хоть что-нибудь.

— Я просила меня отпустить, ты не отпустил. А больше я ничего не хочу, — произнесла тихо. Мне не надо было смотреть в его глаза, чтобы знать, что в них сейчас плескалась боль. — Но я знаю, что не отпустишь. — Иногда мне и правда верилось в то, что он меня любил.

— Я не могу.

— Тогда не обещай, что сделаешь все.

— Хочешь на море? В штаты? Заграницу? Куда хочешь? Хочешь бутик тебе куплю, салон? Шмоток дорогих? Ты только скажи, Вер, — он шептал это между поцелуями, которыми покрывал мое лицо, шею, грудь, шептал нежности и обещания, когда снимал с меня одежду, когда укладывал на кровать. А я просто принимала, не сопротивляясь, но и не проявляя активности. Мне от него ничего не нужно было, потому что я его никогда не любила.

Глава 7

Утро. На часах не было и шести часов, а я уже полз на кухню, устало зевая. Добрую половину ночи провели, разбирая всем отделом бедлам, что устроила ОПГ Туманова. Домой вырвался поспать хотя бы пару часов. И вроде уснул, едва голова коснулась подушки, но всю ночь перед внутренним взором маячил взгляд светло-ореховых женских глаз и мерещился аромат ее духов. Наваждение сука, иначе не сказать. Встряхнул головой, словно прогоняя остатки сна и непонятные чувства, которые он вызвал. Взял с плиты чайник и, припав губами к носику, жадно напился, а оставив его в сторону, чиркнул спичкой, поджег газ, и поставил чайник на огонь.

Надо бы к родителям заскочить, перед тем как ехать в отдел, а то опять мать волноваться начнет, переживает, если мою рожу долго не видит.

Разбив в тарелку два яйца, добавил соли и черного перца, чуть взбил и крошил туда белого хлеба, перемешал. Пока грелась вода на чай, позавтракал.

Родителей застал дома.

— О, Лешенька. Здравствуй, мой хороший! — мама тут же вышла мне навстречу, стоило ступить на порог. — Пойдем на кухню, я завтрак готовлю. Ты кушал?

— Да, мам, спасибо. Батя где? На работе?

— Да какой там, — мама махнула рукой и тяжело вздохнула. — На фабрике забастовка опять. Вчера весь день они начальника прождали, а он не приехал. В ванной он бреется, — и она отошла к плите, на которой уже грелась сковорода. — Зарплату-то за июль хотя бы выплатили?

— Два мешка муки и мешок макарон дали, вот и вся зарплата. Мы к Люське в деревню поедem в ноябре, они поросенка резать собрались, так вот мешок макарон и мешок муки на мясо и сало выменяем, — мама, несмотря на мои уверения, что я уже завтракал, поставила передо мной еще горячие оладьи и чашку чая. Теть Люся была маминой сестрой, она часто звала их к себе в гости, и подобные их продовольственные обмены не являлись чем-то новым.

— Вот возьми, — я достал несколько крупных купюр из тех, что вчера получил от Туманова, и протянул маме.

— Не надо сына. Потом сам будешь сидеть до получки без копейки.

— Возьми, возьми, — я положил купюры на стол и подвинул поближе к матери.

Я знал, что она уже не раз занимала у подруг. После того как ее сократили с текстильного предприятия, им с отцом стало совсем тяжело. Мать, конечно, без дела не сидела, искала заказы, шила на дому. Подстраивалась как-то под новое время. Но часто, как и у большинства, денег едва хватало на самое необходимое.

— Отец ругается, Леш, если я у тебя деньги беру. — Про-

изнесла она, переходя на шепот. — Не надо нам. Справляемся мы. Ты молодой, тебе нужней.

— Мам, возьми, говорю. Чтоб в деревню ехать бензин нужен, да и так на продукты. Отцу скажешь, что заказ хороший подвернулся. А у меня есть. Нам за два месяца дали, — солгал, не моргнув глазом, мама, покачав головой, стесняясь все-таки, взяла деньги и спрятала, сунув их вырез кофты. В это время в ванной перестала журчать вода, и послышались шаги отца.

— Привет, бать! — пожал руку хмурому отцу, вошедшему на кухню.

— Здорово! Что-то ты ни свет ни заря. Как на службе дела?

— Да ничего. Работаем. Как обычно.

— Ты там аккуратней. Вчера, говорят, опять в центре стрельба была, — мрачно произнес отец и потянулся за чашкой чая, которую перед ним уже поставила мама.

— Стараюсь, — я закинул в рот, последний кусок оладушки и поднялся с табуретки. — Мамуль, спасибо, накормила на весь день. Таких вкусовостей в служебной столовке нет, — и я поцеловал маму в щеку. — Поехал я, а то в отделе дел вагон.

— А чего приперся-то с утра? — нахмурился отец. Его душевный настрой явно оставлял желать лучшего.

— Узнать, как у вас дела. Не видел давно. И маминых оладий не кушал. А вообще, думал, ты на рыбалку меня позовешь. Сгоняем в выходные?

— Сгоняем. Ты с работы своей только вырвись, а то без отдыха и продыха вкалываешь.

— Договорились, батя. В субботу давай, заеду в шесть утра.

— В пять.

— Значит, в пять, — я улыбнулся и подмигнул маме, несмотря на мрачное настроение отца, она улыбнулась мне в ответ.

В отделе кипела работа. После вчерашнего теперь предстояло писать гору отчетов на стол Васильевичу. Терпеть не мог эту возню с макулатурой. У Синицина этот рабочий момент тоже не вызывал энтузиазма, поэтому я, взяв большую часть на себя, корпел за столом, а его заставил зачитывать мне интересные факты из дел убитых, особенно тех, кто был связан с Тумановым.

— Никоян Вахтанг Анаитович. Дважды привлекался за разбой, по факту там мокруха была, но списали на более легкую статью.

— Глухаря очередного на отдел повесили?

— Нет. В первом случае шестерку какую-то посадили, а во втором — бомжа местного.

— А говорили, что наш брат свят и неподкупен.

— Ну пиздеть не мешки ворочать. Ты что узнать-то хочешь? Не пойму.

— Да просто разобраться, что за возня вокруг твоего Туманова происходит, кто, кому, кем приходится и с кем дру-

жит и против кого.

— Да, ты хрен разберешься, оставь это дело, тут один день — так, а на другой уже — эдак. Рокировки такие происходят, что диву даешься. То они в перестрелках мочат друг друга, то через неделю за одним столом сидят и бизнес совместный мутят. Хуй просышь. Ты давай пиши-пиши, а то Васильевич там зубами уже скрипит. Подкинул нам Туман работенки, конечно, а мог бы двадцать шестому отделу геморрой организовать, дал бы Никоюну только до дома доехать.

— Я не пойму, ты сейчас плачешься, что это нам разгрести, или расстраиваешься, что подгадить двадцать шестому не удалось?

— И то и это. Статистику смотрел? — спросил Синицин, и я отрицательно повел головой, уткнувшись в бумаги, — тогда глянь. У них показатели выше наших.

— Не завидуй, а работай, давай.

Наше «уютное» времяпрепровождение вдребезги разбил влетевший в кабинет Сомов.

— Собирайтесь, мужики. Нам бумагу на обыск и задержание Журавлева дали. Машины уже ждут.

— Сука. Очень вовремя, — выругался Валерка и потянулся за кобурой.

Глава 8

Оперативная работа по Журавлеву шла давно, но нам никак не удавалось добиться постановления о задержании, хотя доказательств о махинациях его ОПГ, заказухи, хищениях, рэкрете и сбыте оружия было уже три коробки. Он был лидером одной из крупнейших группировок в городе. Но дело постоянно заворачивали с формулировкой «недостаточно доказательной базы». Слишком он много связей имел среди обладающих властью людей, а среди них были те, кто пользовался его услугами, и те, кто был ему обязан.

— Что-то нас многовато сегодня, — я посмотрел по зеркалам на почти с десяток машин, следовавших, вместе с нами.

— Четыре группы захвата, четыре оперативника, младшие на подхвате и РУБОПовские еще, — отозвался Сомов, севший ко мне в машину.

— Сука, а этим что надо?

— Ну а как ты думаешь? Мне уже шепнули, что дело Журы у нас заберут, — я снова выругался и от злости сильнее сжал зубы. Этого стоило ожидать, такую птицу, как Журавлев, не дадут в руки операм из обычного ОВД.

— А чего тогда раньше не забрали? Приперлись, когда почти всю работу за них сделали.

Мы больше года собирали информацию на этого ублюдка,

по крупичам, за каждую ниточку дергали, у меня двух информаторов завалили, а теперь сука возьми и отдай.

— Не доверяют они нам, — хмыкнул Сашка.

— А я им. Хмыри напыщенные.

К РУБОПовцам я относился примерно как Синицин к двадцать шестому отделу, мягко говоря, недолюбливал. Им и тачки бронированные выдали, и с бензином явно проблем не было, как у нас. А тут три машины на весь отдел и только в одной топливо залито, и дай бог, чтобы она еще завелась.

Рация ожила. Сашка принял сообщение. А я свернул на дорогу в коттеджный поселок вслед за микроавтобусом СОБРа.

И закрутилось.

Машины остановились. Бойцы тут же высыпали из машин наперевес с оружием в полном обмундировании. СОБР за считанные секунды вскрыл железную калитку и уложил мордами в землю всех находящихся во дворе. Из гаража выскочило два амбала с автоматами, но пара выстрелов и их тут же уложили. Топот тяжелых ботинок, глухие щелчки затворов, беззвучное координирование.

— Первая группа — периметр оцепить, вторая — главный вход, третья — второй этаж, крыша, четвертая — задний выход и гараж. Снайпера — полная готовность, — звучали лаконичные приказы по рации, а в следующую секунду раздался звон стекла разбитых окон второго этажа, и была выбита входная дверь.

Журавлева скрутили моментально, сопротивления он не оказывал, как и те, кто сидел с ним в гостиной. Вошли, переступая через лежавших на полу хозяев. В доме было прохладно и пахло дорогим табаком. Бра из хрусталя отбрасывали тёплый свет на черный кожаный диван и на темный полированный стол, на котором ещё стояла недопитая бутылка заморского коньяка. На одной из стен висела целая коллекция холодного оружия и судя по блеску металла и углу заточки, имела она далеко не декоративное значение.

— Дом обыскать, — отдал приказ один и РУБОПа, и я снова от злости сжал кулаки. — Чего стоим капитан? В первый раз что ли? Работаем. — Бросил он в мою сторону и отвернулся. А я выругался себе под нос, жалея, что не могу этому важному хрену, возомнившему себя начальником, начистить рожу. Кивнул Синицину, давая понять, что беру на себя коридор, который находился слева от гостиной.

Открыл первую дверь, скидывая оружие. Но комната была пуста. Странная, непонятного назначения, и не спальня, и не кабинет, что-то по типу гостевой, скорее всего. Диван разложен с постельным бельем, шкаф, письменный стол. В столе ничего не было, какая-то женская мелочевка. А вот в шкафу обнаружился сейф, и, как оказалось, в комнате он был не один, второй я нашел, сдернув со стены картину.

— Левый коридор, первая дверь, два сейфа, — сообщил в рацию.

— Принято. Сейчас отправлю парней, — донеслось в от-

вет, а я вернулся в коридор и направился к следующей двери.

В комнате царил полумрак, темные коричневые шторы были задернуты наглухо, на столе горела тускло лампа, за столом спиной ко мне в кресле с высокой спинкой кто-то сидел и судя по туфлям, которые мне удалось разглядеть, это была женщина.

— Милиция. Обыск. На выход, — скомандовал громко, удерживая на изготовке табельное. На мгновение повисла тишина. Кресло медленно повернулось, и в меня впился насмешливый взгляд светло-ореховых глаз, глаз, которые преследовали меня сегодня во сне.

— Добрый день, капитан! — мягко улыбнулась Туманова, делая глоток вина из своего бокала.

**РУБОП — это Региональное управление по борьбе с организованной преступностью. Это спецподразделение в структуре МВД России, которое существовало с 1993 по 2001 год и было создано для подавления разгула бандитизма и рэкета в эпоху девяностых.*

Глава 9

— Что вы здесь делаете? — я опустил пистолет и закрыл дверь, чтобы нас никто не увидел.

— К подруге приехала.

— Неудачное вы время выбрали для гостей.

Ее взгляд поблескивал от выпитого, всадила Туманова в себя явно больше нормы.

Она улыбнулась и одним глотком опустошила бокал, и мне снова показалось, что я проваливаюсь в какую-то бездну, смотря на нее.

Тем не менее моей же голове в бешеном режиме уже происходил анализ ситуации и подбор вариантов дальнейших действий и возможности ее отсюда вывести.

Но Туманову словно вообще не заботило происходящее сейчас в доме, вызывающе смотря мне в глаза, она поднялась и подошла ближе, дефилируя в своем черном облегающем платье, очередной раз меня удивляя: мало того, что она твердо держалась на ногах, так она еще и на своих каблучищах умудрялась ровно идти.

Глаза в глаза и я как околдованный змеей кролик стоял на месте, не в силах отвести взгляд, она подошла почти вплотную, коснулась пальцами моего лица и по венам разошлись микроразряды тока.

— Не был бы ты ментом, влюбилась бы, — вкрадчивый

рокот голоса, будто отравлял мое сознание, туманил, заманивал, подчинял.

Ее пальцы скользнули по шее за ворот рубашки, и губы прижались к моим. Удар по рецепторам моментальный. Легкие наполнились ароматом ее парфюма, и остатки разума забились в последних конвульсиях, ибо руки безотчетно обвились вокруг ее тела. Секунды и я, вернув контроль, с силой, сжав ее плечи, отстранил от себя.

— Ты чего творишь, блядь? — прорычал охренев от происходящего.

— Не нравлюсь? — в ее глазах горячий мед, такой же, который сейчас разливался по моему телу.

— Муж мне твой не нравится и жмуриком быть не нравится, — процедил зло, ощущая, как по венам все еще струится ток.

— Испугался, значит, — в тоне ее голоса насмешка, но мой разум уже вернулся в будку управления, поэтому провокация не сработала.

— А вы всех, таким образом, проверяете, Вера Леонидовна?

— Не поверишь, но ты единственный.

— Спасибо за оказанную честь. А теперь слушаем меня внимательно. Сидите тут тихо и не высовывайтесь. А лучше, если есть мобила, наберите мужу и сообщите о ситуации. Как все затихнет, и мы уедем, пусть вас заберут.

— Ага, а то если Туманов узнает, что ты меня видел и

дал своим орлам меня забрать в отдел, он тебя по головке не погладит.

— Вера Леонидовна, я, даже если захочу вас вывести отсюда, то не смогу этого сделать. Тут ОМОН и РУБОП, я перед ними мелкая сошка.

— Засада, — нараспев произнесла она, и ее взгляд снова скользнул по моим губам, а у меня в горле только от этого взгляда пересохло. Прокашлился, снова усилием воли сбросив с себя вуаль наваждения.

— Поэтому сейчас вы прячетесь, я обыскиваю комнату и печатаю, чтобы сюда никто больше не вошел. А вы звоните мужу и сидите как мышь. Я знаю, вы это умеете.

— Смелый, сильный, надежный, — ее руки скользнули по моим плечам, — что ж ты мне раньше не встретился капитан, я бы за тебя замуж вышла.

Вот понимаю, что это всего лишь бред пьяной женщины, но почему-то цепляет. И губы все еще горят от ее поцелуя, пробуждая опасные желания, чреватые последствиями.

— И жили бы от полочки до полочки, жуя каждый день пустую картошку.

— Поверь мне, капитан, лучше впроголодь, чем жить во всем этом дерьме, — и в ее взгляде на мгновение появляется мрачная тень отчаянья и боли.

— Многие бы с вами поспорили. Давайте в шкаф залезайте и сидите тут. А мне нужно обыскать комнату.

Я скидываю с себя ее руки и всеми силами стараюсь на

нее не смотреть, потому что мозг начинает коротить. Туманова же отходит к столу, и, прислонившись бедром о край столешницы, наблюдает за мной.

— В столе документы и два пакетика наркоты. Под ковром в полу схрон. В остальном комната пуста, — произносит она совершенно обыденно.

— Спасибо за информацию. Залезайте, — я открыл дверцу шкафа, выгреб лишние вещи и бросил туда подушку, взятую с дивана.

— Сумочку подай и бутылку вина на столе. Я не допила. Подав все, что она просила, дождавшись, пока она устроится и, закрыв шкаф, начал осматривать комнату, испытывая сильнейшее желание надраться и отнюдь не вином. В моем случае надо что-то покрепче.

Быстро обыскав стол, я нашел все, что она перечислила. Я уже вскрывал пол под ковром, доставая оттуда пачки денег, когда до слуха донеслись тяжелые шаги, и дверь резко распахнулась.

— Помощь нужна? — в комнату заглянул один из РУБО-Па.

— Нет. Тут кроме документов, пары пачек зелени и двух пакетиков наркоты ничего нет. Все перевернул уже.

— Лады. Тогда заканчивай и печатавай.

Я кивнул и еще раз прощупал стенки схрона, убеждаясь, что больше ничего не осталось.

Едва я вышел в коридор, как меня перехватил Сомов.

— Пойдем, там бумаги кое-какие заполнить надо.

— А чего сейчас, а не в отделе? Что за спешка? — спросил, опечатавая дверь и передавая найденное операм.

— РУБОПовским сразу отдадим, чтобы потом не мотаться.

Это было странно, конечно, но ладно. Хрен их знает, что у этих на уме, и к чему такие сложности. Да и вообще сегодня такой день, что я уже ничему не удивлюсь.

Мы вышли на улицу и направились к моей машине.

— Вот, эти надо заполнить. Попросили как можно быстрее, — произнес Сомов, когда мы сели в салон, и протянул мне стопку бумаг, к которой был прикреплен тетрадный лист, исписанный Сашкиным же почерком.

«Тебя пасут. Возможно, есть прослушка».

Тело тут же отозвалось напряжением.

«Кто?» — пишу ниже и протягиваю Сомову.

«РУБОП и Туман. Первые хотят тебя к себе переманить. А второй проверяет, чтобы ты с первыми связан не был».

Как же все «вовремя», блядь

И холодный озноб прокатывается по спине. Если РУБОПовские сошьют дело, что я покрываю ОПГ, мне светит зона, со всеми вытекающими, а если Туманов посчитает, что я работаю на РУБОП, то пуля в лоб мне обеспечена.

— Сука, — прочитав, выругиваюсь сквозь зубы и отбрасываю бумаги на панель. Выискав в кармане пачку сигарет, нервно закуриваю, понимая, что угодил я в такой капкан, что

шаг вправо — шаг влево, и могу сдохнуть в любой момент и не самым приятным способом.

Сашка снова берет документы с тетрадным листом и снова пишет. А у меня тошнота к горлу подступает от осознания масштаба проблем. Если и правда ведется прослушка, то мне уже пиздец и хрен соскочишь. Один разговор с Тумановой чего стоит. Дело, конечно, по нему не сошьют, но к Тумановской своре дорожка явная. Делаю глубокую затяжку сигаретой и пробегаю взглядом по написанному Сашкой.

«РУБОП в курсе, что вы с Синицей вчера к Туману в ресторан ездили. Меня сегодня расспрашивали об этом. Я изобразил тупого и слепого. Будь осторожен».

На мгновение крепко сжимаю веки, делаю последнюю затяжку, докуривая сигарету до фильтра и выбросив окурочок, беру ручку.

«Спасибо, Сань. Должен буду», — нацарапал на листе и протянул ему, ощущая, как задергалась жилка на виске. Сомов кивнул, а потом порвал лист, скомкал и, сложив в автомобильную пепельницу поджог, уничтожая следы нашего разговора.

Глава 10

— Какого хрена ты творишь в последнее время? Зачем ты поперлась к Журе, идиотка? — не сдерживая раздражения, зло, процедил Петр, стоило мне войти в его кабинет. Он был в ярости, но пока еще сдерживал себя.

Сам он за мной, естественно не поехал, а отправил своих псов во главе с Олегом.

— Не к Журе, а к Наташке, — произнесла спокойно и вытащила из бара уже кем-то начатую бутылку вискаря. — Я уже к подруге съездить не могу без твоего разрешения?

— Хватит бухать, — он, не дав мне сделать и глотка, вырвал из моих рук бутылку. — Ты хоть понимаешь, чем могло все закончиться? Или ты вообще ничего не понимаешь?

— А что есть какой-то неожиданный вариант развития событий, о котором я не знаю?

Задав раздражение, я села на диван, демонстративно забросив ногу на ногу и вскинув подбородок.

— Не провоцируй меня, — в тоне его голоса прозвучало отчетливое предупреждение, но я уже привычно его проигнорировала.

— А то что? — улыбнулась, и мы схлестнулись взглядами, Петр сжал кулаки, а я замерла в ожидании, когда его сорвет.

Пауза. Он нервно дернул головой и сделал глоток из бутылки, из той, что забрал у меня. А потом подошел ближе.

— Вер, — его голос внезапно стал сдержанно спокойным, а бы даже сказала излишне мягким. - Я хочу, чтобы ты понимала, что сейчас очень сложная ситуация, конфликт на конфликте, смерть Вахи, дележка территории и сфер влияния и еще псы эти РУБОПовские совсем падлы озверели. Да нас посадить или убить могут в любой момент.

— И? Что из этого выбивается из наших будней? — спросила, приподняв бровь. Я и так каждое утро просыпалась с ощущением дула у виска и ложилась вечером в постель с ним же. Его паника сейчас была мне совершенно непонятна.

— Вер, — он отставил бутылку, подошел еще ближе и опустился на корточки возле моих коленей, взял меня за руки, крепко сжимая пальцы. — Журу реально сейчас посадить могут. На него уже больше трехсот томов сшили, двадцать три человека из его людей вместе с ним по 158 статье идут. Этому идиоту валить надо было из страны, а он все лечил, что разрулит. Ну же, милая, раскинь мозгами.

— Отмажется твой Жура. Первый раз, что ли. У него прокурорские прикормлены.

Петр тяжело вздохнул, покачав головой, сдавленно выругался и поднялся. Отошел к столу, и, достав из ящика бокал, плеснул себе виски.

— С Журавлевой больше не контактируй, — обманчиво мягкий тон теперь сменился на жесткий и холодный. Все? Закончился приступ нежности?

— Она моя единственная подруга.

— Она на дури уже два года плотно сидит. Так что найди себе другую подругу. И глаза открой уже на реальность. Компромат на Журу слили в жургалюгам, что-то мне подсказывает, что прокурорские ему не сильно помогут в такой ситуации, сейчас все свои жопы и погоны спасать будут.

— Ты хочешь, чтобы я сейчас ему посочувствовала или что?

— Дичь перестань творить! — взорвался Туманов. И от его рыка, казалось, хрусталь в шкафу зазвенел. — Будь более осторожной! Порой мне кажется, что у тебя совсем отшибло инстинкт самосохранения.

— А мне давно уже нечего бояться, — он повернулся, и мы снова встретились взглядами. Не знаю, что он искал в моих глазах, но он явно этого не нашел. — Знаешь, мне было страшно четыре года назад, когда ты появился на пороге приемного отделения и твои люди приставили мне пушку ко лбу, требуя оказать тебе медицинскую помощь после огнестрела. Мне было страшно, когда ты начал оказывать мне знаки внимания. Мне было очень страшно, когда ты практически взял меня силой. Мне было страшно, когда ты, угрожая убить мою мать, заставил меня выйти за тебя. Мне было страшно, когда мама лежала в больнице после инсульта. А сейчас, после ее смерти мне уже нечего бояться. Смерти и тюрьмы я не боюсь, и тебя, кстати, тоже.

— До сих пор винишь меня в ее смерти? — его пальцы сильнее сжали бокал, который он все это время покручивал

в руке.

— Это на тебя хотели повлиять, забросив гранату в подъезд тещи.

— Ее не задело, — произнесено с нажимом, давая понять, что я коснулась не той темы, которой стоило касаться, но даже чувствуя, что наш очередной конфликт может сейчас выйти за рамки, я продолжила.

— От испуга случился инсульт. Внезапный острый стресс спровоцировал мощный выброс адреналина и кортизола, что вызвало резкий спазм сосудов, скачок артериального давления и учащение пульса. Это критически перегрузило сердце и мозг...

— Ты мне еще лекцию прочитай! — обрубил меня на полуслове, и в кабинете повисла тишина. Напряженная тишина, бьющая по остаткам моих нервов обрывочными кадрами прошлого. Кадрами, где Туманов на пороге приемного отделения в крови с простреленным плечом, люди с оружием, визжащая практикантка, которую одним ударом вырубил, что бы не мешала, и я, трясущимися руками вытаскивающая пулю и зашивающая рану. А спустя пару дней меня возвращающуюся домой, окружило четыре черных тонированных машины. Я до сих пор помню тот жуткий ужас, сковавший тело, когда страшно было сделать даже вдох. Из одной машины вышел Туманов с неприлично большим букетом белых роз, и я испугалась еще больше. Тогда я еще верила, что смогу его отвадить, скрыться, сбежать, спрятаться, по наив-

ности не понимая, что это мой приговор.

Петр залпом опустошил свой стакан, а, потом выругавшись, с силой, запустил его в стену. Хрустальная посуда мгновенно рассыпалась на сотню мелких осколков, а он в приступе ярости в следующую секунду снес все со своего стола на пол. Я же сидела, смотрела на разбросанные по полу документы и вещи и ждала продолжения, но Туманов, оперевшись руками о пустую столешницу, тяжело дышал, явно пытаясь взять себя в руки.

— Иди к себе. Обо всех передвижениях теперь сообщай мне. Без охраны не двигаешься.

— Дышать можно? — сдержать усмешку в голосе я не смогла.

Два моих слова — и стол рывком переворачивается, а от стен отражается хруст стула, которому не посчастливилось оказаться на пути дубовой махины. Жалко, дорогой был, красивый.

— Сука! Я сказал, к себе пошла!

С абсолютным равнодушием смотря в его разъяренные глаза, я молча поднялась и пошла к двери и то лишь потому, что ощущала во всем теле безумную усталость. Мне хотелось вымыться, забраться в постель и забыться хотя бы на несколько часов, вывалиться из этой чертовой безумной реальности, где каждый день одно и то же

Под душем я стояла до тех пор, пока кожа не начала гореть от горячей воды. Перед глазами все мелькали кадры прошло-

го: свадьба, покушение, больница, похороны мамы и везде звучали автоматные очереди, которые даже в воспоминаниях оглушали.

После душа, забравшись в постель, я завернулась в одеяло, словно в кокон, и закрыла глаза в надежде уснуть. Но даже Морфей сегодня отвернулся от меня.

Кадры, кадры, кадры, сводящие с ума, вспарывающие старые раны, напоминающие о невозможности что-то изменить.

И словно спасательный круг — короткая мысль мелькнула на задворках сознания:

«Было сегодня одно, что отличало этот день от предыдущих».

И я за нее зацепилась, подтянула к себе, вгрызлась зубами, запрещая разуму снова проваливаться в прошлое.

Сегодня я на мгновение ощутила себя живой и, оказывается, еще не разучилась чувствовать. Короткий миг в руках того симпатичного капитана, вкус губ, касание словно живительный глоток. С юности мечтала, чтобы мой муж был военным или при погонах. Была в этих мужчинах какая-то особая сила и манящая привлекательность.

И я сильнее сомкнула веки.

«Мечтала о военном, а вышла за бандита» – противно прозвучал в сознании внутренний голос, даже в мыслях, не давая провалиться в несбывшееся, в иллюзию, в давно забытые мечты. Туда, где я работаю фельдшером в больнице, туда, где я замужем хорошим человеком, и у нас двое детей:

мальчик и девочка. Где по выходным дача, а раз в пару лет мы едем в санаторий к морю всей семьей. Туда, где нет постоянной опасности, где все просто и безопасно. Кадры старой мечты, которая никогда уже не станет реальностью

Глава 11

Задержанных погрузили в машины, и основная масса задержанных лиц уехала. Остались опера, которые все еще упаковывали и маркировали найденные улики, и мы с Синецой. Валерка колупался под капотом своей девятки, тихо матерясь.

— Барахлит?

— Да опять бензонасос. Менять надо. И это — он склонился над капотом, — Тумановские тачки засветились на перекрестке, вынюхивают что-то.

Я уже хотел рассказать, по чью они душу, но вовремя вспомнил о предостережениях Сомова о прослушке. Поэтому полез в тачку к Валерке, нашел на переднем сиденье шариковую ручку и старую газету, и написал на полях.

«Они за Верой Леонидовной. Ждут, пока мы разъедемся. Она в доме».

Синицин прочитал и от удивления округлил глаза. А потом забрал из моих рук газету и ручку:

«Что за шпионские игры?»

«РУБОП, возможно, нас слушает, Сашку сегодня спрашивали про нас с тобой и наш поход в ресторан Туманова».

— Роют, значит, — произнес Синеца, затягивая хомуты на патрубках.

«У меня еще чужой ствол под сиденьем в машине. С той ночи, как Туманову выводил из ресторана. Надо скинуть».

«Отпечатки сотри. Упакуем сейчас, как будто тут нашли».

— Пошли сегодня накатим? — предложил, отрывая исписанный кусок от газеты, складывая его и убирая в карман, собираясь позже сжечь.— Задолбался я за эту неделю, сил моих нет.

— Поддерживаю сие предложение, всеми руками и ногами. Только неизвестно, сколько мы сейчас в отделе проторчим, надо подготовить все материалы для передачи дел.

— У тебя в заначке батин самогон остался?

— Обижаешь. Есть, конечно.

— Ну, значит, ночь будет не такой скучной, как предполагалась.

Решив все оставшиеся дела в доме Журавлева и избавившись от левого ствола, мы выехали в отдел. Вот только этой ночью до самогона мы так и не добрались, закопавшись в бумаги, которые надо было сдать РУБОПовским уже к утру. К пяти часам мы просто вырубались: Синица за столом, а я, устроившись на двух стульях и укрывшись своей курткой.

Спустя неделю

— Вы чем вообще тут занимаетесь? У нас раскрываемость на нуле!

Васильевич уже почти час тратил нервные клетки, повышая себе давление. По его воплям можно было безошибочно определять: звонили из главка или нет. Сегодня звонили.

— Ну? Чего сидим? У вас там труп на Ленинградской. Почему вы до сих пор здесь? И через час Сеницын, чтобы рапорт лежал у меня на столе.

— Разрешите идти? — я поднялся со своего места, желая как можно быстрее свалить из этого душного кабинета.

— Идите. С глаз моих, — Васильевич, махнул рукой и потянулся к графину с водой.

— Может, по пиву вечером? Ты как? — я догнал Валерку в коридоре.

— Да, я не против. Только у меня встреча с информатором в «Черной пантере» в восемь часов и трупак этот еще.

— Интересные у вас места для встречи, — «Черная пантера» была смесью ресторана и стриптиз-клуба, контингент был почти таким же, как в «Золотом льве».

— Ну что есть того не отнять, — рассмеялся Валерка. — Да это по делу мокрухи на Ленина. Последняя возможность найти зацепку. Убийство какого-то коммерса которое мертвым грузом упало на отдел.

— Не найдем — очередной глухарь на отделе повиснет.

Ну а я о чем? Васильевич уже рвет и мечет. Давай поехали на Ленинградскую. Там поножовщина, бытовуха вроде. Разберемся по-быстрому.

По-быстрому не получилось, пока опросили соседей, свидетелей, потом дожидались, пока криминалисты закончат работу, пока до отдела смотались.

До «Черной пантеры» мы доехали без пяти минут восемь,

и Валерка тут же скрылся из виду, а я остался в машине, по привычке оценивая обстановку и, держа во внимании всех, кто тусовался у входа. Нервы всю неделю были на пределе, от постоянного ощущения слежки, казалось, уже дырка в затылке, подгоняться начал на пустом месте, сам себя уже этим дерганьем раздражал. И выхода из этой ситуа

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.